

ГЕРМАНЦЫ В «АРХЕОЛОГИИ МИРА»¹

В этой книге, согласно аннотации, автор «говорит о германских германцах, о негерманских германцах, о племенах, которые ложно названы германцами, и о тех, которые не называли себя германцами, но все же, видимо, были германцами». Словом, как говорили греки, «есть Пилос возле Пилоса, а кроме того еще один Пилос». Однако вопрос о местонахождении Гомерова Пилоса издавна относился к числу классических загадок истории, а вот сложность проблемы определения германцев до недавнего времени очевидной не была. Здесь все казалось простым и ясным, и только недавние исследования коллектива ученых с участием автора рецензируемой книги Рольфа Гахмана², профессора Саарбрюккенского университета, показали³, что проблема запутана похитрее, чем вопрос о Пилосе. «Вопрос: кто были германцы? был, видимо, еще слишком оптимистичен! — восклицает Гахман. — Поначалу следует спрашивать более осторожно и выяснить: да существовали ли германцы?» (стр. 31). В вопросе о Пилосе археология дала окончательное решение. В вопросе о германцах — по крайней мере помогла сообразить, что первоначальная ясность обманчива. Способна ли археология на нечто большее?

В соответствии со спецификой проблемы обычное трехчастное членение томов «Археологии мира» («Проблемы — Методы — Результаты»)⁴ представлено здесь в модифицированном виде: вместо изложения ряда проблем первая из трех глав книги излагает одну проблему — проблему дефиниции: что такое германцы? Здесь же предложен методический ключ к решению проблемы: поиск и сопоставление различных критериев выделения германцев (с позиций греческих и римских авторов, самих германцев, их соседей, современных исследователей). Здесь же и некоторые результаты исследования литературной традиции, итоги анализа текстов. По отношению к археологической главе это все как бы экспозиция.

Вторая глава излагает археологические сведения о германцах на Рейне и реконструирует культовые союзы германских племен. Внимание к культовым союзам не случайно. Ведь это современные ученые (а вместе с ними и все современники) выделяют население Центральной и Северной Европы по особенностям речи, отличающим это население от всех соседей. Наименование германцев закрепилось за этой семьей народов по традиции. Но кого называли германцами прежде? Имелось ли у древних авторов — греков и римлян — умение и желание, да и возможность выделять в отдаленных землях группу племен по языку? Не важнее ли и не заметнее ли для них были политические объединения варваров, в ту беспоконную пору нередко многоязычные? Одно из этих объединений греки и римляне почему-то привыкли называть германцами — доподлинно известно, что самоназванием даже тех, кого они так называли, не говоря уже о потомках этого населения, сие слово ни тогда, ни еще много веков спустя не было. Этнические названия — вообще дело случая. Бывает, что ими становятся личные имена (киргизы), этнонимы династий (болгары), иноязычные клички (немцы) и т. п. Однако в данном случае весьма убедительно предположение Гахмана и его коллег, что слово германцы вообще закрепилось за восточными соседями кельтов по ошибке, что первоначально так называли (и скорее всего, следуя самоназванию) северных соседей кельтов, и что лишь римляне распространили это название на всех варваров, которых они обнаруживали за кельтами, к востоку от Рейна и на обоих берегах в низовьях Рейна. Северные соседи кельтов, отличавшиеся от восточных по языку и культуре, вскоре были ассимилированы кельтами и их восточными соседями и исчезли с карты Европы. Имя

¹ R. H a s h m a n n, Die Germanen, «Archaeologia Mundi», Nagel, München — Genf — Paris, 1971, 204 стр., 37 цветных и 120 черно-белых плл.

² В некоторых советских изданиях принята транскрипция: Хахман.

³ R. H a s h m a n n, G. K o s s a c k, H. K u h n, Völker zwischen Germanen und Kelten, Neumünster, 1962 — см. рец.: А. К. А м б р о з, СА, 1969, № 4, стр. 266—272.

⁴ См. Л. С. К л е й н, Кипр и Крит в «Археологии мира», ВДИ, 1973, № 2, стр. 156.

германцев так и осталось в античной традиции за восточными соседями кельтов. Не за всеми: славяне, финны, сарматы и другие отличались издавна и обозначались особо. Как же производилось различие?

Политические объединения были непрочными и непостоянными, часто меняли свой состав. Осознавали ли сами центрально- и североевропейские варвары какое-либо более прочное единство, позволявшее им противопоставлять себя не только Риму, но и своим западным и восточным соседям? Долгое время нет. Можно ли задним числом осознавать таковое? Что могло бы лежать в основе такого осознания? Только ли язык? Или в большей мере культурная общность? Р. Гахман придает важное значение именно последней и особенно — одной ее отрасли: культуре. Он полагает, что именно в религиозных организациях находила тогда оформление культурная и языковая общность родственных племен, именно за культовыми союзами племен закреплялись этнические названия, именно в этих союзах скреплялись узы родства и складывались этносы. Родственники же по языку и культуре, не захваченные границами союзов, оставшиеся в стороне, вскоре отходили и в развитии культуры, утрачивали язык и сходства и со включением в иноязычный культовый союз, перенимая иную религию, могли изменить или сменить и язык.¹

Если так, то у археологии есть что сказать по вопросу об определении границ этноса, соответствующего германцам античной традиции. Ибо археологи прослеживают культурные сходства и различия и распространение древних культов. К тому же Центральная Европа — край, археологически наиболее интенсивно изученный по сравнению с другими землями. Однако если придавать религиозным особенностям такое значение в конституировании и выявлении этносов, то необходимо убедиться в том, что в сфере религии существовало единство, отвечающее зафиксированным проявлениям данного этноса, проследить, когда и как оно складывалось. Если германцы — это те, кто поклонялся в числе прочих богов Водану — Одину, то необходимо выяснить, как широко распространен был этот культ, охватывал ли он все племена, претендующие на наименование германцев, и с каких пор он практиковался у тех или иных племен.

Естественно, что третья глава книги посвящена германским верованиям, в частности — богам и культуре мертвых. Таким образом, структура и план книги, на первый взгляд, несколько странные, но сути сугубо логичны.

Задачи археологии в этом контексте выступают как весьма ответственные. Ведь лишь от немногих племенных групп (этносов) варварской Центральной и Северной Европы сохранились языковые свидетельства, позволяющие утверждать языковое родство этих групп. Это готы, аламаны, франки, англосаксы и скандинавские племена. Что же касается вангионов, убиев, сигамбров, херусков, кимбров, тевтонов и амвронов, то хотя римская традиция и причисляла их к германцам, нет уверенности, что они говорили на диалектах той же речи, что и готы, аламаны и т. п. Особенно сомнительна для Гахмана принадлежность тевтонов к истинным германцам в современном научном смысле.

Итак, археология все решает? Нет, на такое утверждение Гахман не посягает. Ведь археологическая культура не имеет принципиального и регулярного совпадения с языком. Не только выпадение из политического союза, но и выход из культовой организации и отход от культурных традиций не влечет за собой неизменного, да еще и немедленного отказа от прежнего языка. Поэтому Гахман оговаривает, что «понятие германцев археологии не должно непременно совпадать с аналогичным понятием [филологической] германистики; более того — даже не может... Также и понятие германцев античности аналогичное понятие археологии не может быть идентично» (стр. 30).

Греческие ученые делили всю варварскую Европу на два мира: к западу — кельты, и востоку — скифы. До Цезаря германцы почти не были известны греческой и римской науке. Посидоний в 90-е гг. I в. до н. э. слышал о германцах, живущих на Рейне, и относил их к кельтам. Он был подробнее информирован о кимбрах и тевтонах; последних он знал как выходцев из Гельветии, — видимо, тоже кельтов; кимбров кельтами считал Артемидор.

Такова была исходная информация, которой располагал Цезарь, выступив в Галлию. Его тайным замыслом было превратить Галлию в базу для последующего захвата власти в Риме. Чтобы скрыть этот замысел, он декларировал задачу освобождения Галлии, населенной союзными Риму кельтами, от вторгшихся из-за Рейна варваров. Рейн был важен как военно-политический рубеж, как естественная линия фортификации. Поэтому в первый год войны Цезарь в своих описаниях характеризует Рейн как естественную и традиционную границу Галлии — ту, которую он, Цезарь, вправе и обязан достигать и отстаивать. Для Цезаря вплоть до Рейна *должны* жить кельты, *должна* простираться Галлия. Зарейнский мир, само собой, *должен* считаться чуждым, не кельтским, не Галлией. До действительного распределения племен (по языку ли, по культуре ли) Цезарю в сущности не было дела. Поскольку врагами, беспокоящими галлов, выступали германцы Арновиста, приходящие из-за Рейна, им и была отведена та сторона, и это имя присвоено всем ближайшим зарейнским племенам. За Рейном Галлии была противопоставлена Германия. Такова, по Гахману, логика построений Цезаря. «В этом смысле германцы были в известной мере почти его политическим изобретением...» (стр. 36).

Итак, галлы — все племена, что слева от Рейна, германцы — все, что справа. Однако в книге о втором годе войны Цезарь сообщает о германцах, живущих слева от Рейна — на севере Галлии! Причем особенно любопытно, что при этом он ссылается на *самоопределение* этих племен: бельгийские ремы сами говорят, что они большей частью германского происхождения. Полвека спустя Страбон отмечает, что бельгийские первичи считают себя германцами. Еще век спустя то же повторяет Тацит о первичах и о треверах. «Как Цезарь, так и Тацит представляли дело так, что бельги и треверы происходили от германцев, и оба подразумевали под этим германцев по ту сторону Рейна. Никогда не удастся достоверно установить, подразумевали ли бельги и треверы то же самое, когда они называли себя германцами... То, что имя германцев выступило в связи с бельгами и треверами, можно тогда лишь правильно оценить, когда будет принято во внимание, что для других групп населения оно более не документировано» (стр. 47).

По мнению Гахмана, все это означает, что на севере Галлии жила группа племен, осознававших свое единство и называвших себя германцами. О них-то и слышали Посидоний и Тацит, а по Страбону можно заключить, что эти племена жили и по правому берегу Рейна. Цезарь же вначале германцев Северной Галлии не знал, а знал лишь тех, что жили справа от Рейна, — и распространил их имя на все племена справа от Рейна.

До недавнего времени археологи, следуя указаниям Цезаря, все памятники слева от Рейна приписывали кельтам, все памятники справа от Рейна — германцам. При этом удивлялись, что кельтская культура последних веков до н. э. слева от Рейна почти идентична германской справа от Рейна. Отсюда делались далеко идущие выводы — вплоть до разочарования в возможностях археологии. Гахман предлагает карты и сerealного распределения культурных особенностей на археологических картах и сопоставлять его не с традиционной картиной, созданной Цезарем, а с теми более реалистичными (хоть и предположительными) реконструкциями, которые вытекают из ее анализа.

До рубежа н. э. к востоку от Рейна вплоть до р. Липпе на севере и р. Лейны на востоке продолжалась культура городищ (оппидов) с гончарной керамикой, распространенная в большей части Галлии, известная под именем латенской и убедительно интерпретируемая как кельтская также в Тюрингии и Чехословакии. И только по ту сторону Лейны и Липпе и Тюрингского леса начинается иной, не-кельтский мир.

Но на рубеже н. э. картина резко изменяется. Между Лейной и Липпе латенские могильники прекращают свое существование, городища пустеют, кельтская монета больше не обращается, римское влияние чувствуется гораздо слабее, чем к западу от Рейна. Вместо всего этого появляются маленькие могильники совершенно иной культуры — той самой, которая до того охватывала более восточные территории: культуры Исторф. И ведь именно об этом времени античные авторы сообщают, что убин и ситамб-

ры были переселены к западу от Рейна, так как не могли противостоять натиску восточных соседей, а их земли захватили лангобарды, затем хатты. Таким образом, сигамбры и убии никакими германцами (в языковом и культурном отношении) не были, равно и вангионы, неметы и трибоки, хоть римляне и называли их германцами, следуя нормам Цезаря. Германцами же (в современном смысле) были носители культуры Ясторф и родственников ей: аламаны, готы, гешиды, франки, вандалы, баювары и англосаксы, наконец — скандинавы. Эстии никак не могли быть германцами, хотя Тацит и причислял их к таковым: сам же он сообщает о том, что у них был иной язык, а археологически в тех местах засвидетельствована другая культура.

В упомянутой выше совместной книге Коссака охарактеризовал ту археологическую культуру, которая заполняла пространство в низовьях Рейна между культурами Латен и Ясторф и, видимо, принадлежала третьей группе племен — той самой, у которой имя германцев было самоназванием, но которая зато по современным языковым и культурным критериям к германцам не может быть отнесена. Оставшиеся от нее топонимы — не-кельтские и не-германские.

Как нетрудно заметить, построения Гахмана, при всей их логичности, изысканности и привлекательности, не лишены внутреннего противоречия: Гахман начинает с принципиального отрицания совместимости карт, рисуемых порознь письменными источниками, археологией и лингвистикой, а кончает практически совмещением археологических культур с этническими общностями, определяемыми по единству языка в современном духе, и названия им подыскивает из традиционной номенклатуры, переданной письменными источниками. Одно из двух: либо традиционная методика столь укоренилась, что и отвергающий ее исследователь незаметно для себя сбивается на нее же, либо принципиальная несовместимость отражений ушедшего мира в разных видах источников не столь уж абсолютна. Последнее вероятнее.

Проблеме сопоставления разных видов источников Гахман уделил специальное внимание в книге «Готы и Скандинавия»⁵. Ратуя в ней за «регрессивную пурификацию» — за очищение работы над каждым видом источников от имплицитного подмешивания выводов из других категорий источников, Гахман исходил из того, что каждый вид источников отражает ушедший мир в иной плоскости по сравнению с другими видами источников. Получив в итоге очищенной профессиональной обработки каждого вида источников разными науками несколько различных картин, исследователи оказываются перед труднейшей задачей синтеза, соединения в одном сознании, независимо полученных («чистых») и весьма различающихся выводов об одних и тех же структурах и событиях. В указанной книге суть трудности Гахман видел в необходимости детально проверить аргументированность каждой системы выводов (по каждому виду источников) — при невозможности охватить одним индивидуальным умом всю полноту наличных материалов и необходимых методов по нескольким наукам сразу. Выход из этой проблемной ситуации Гахман тогда усмотрел в «экземплярном подходе» — в ограничении исследования одним частным сюжетом, одним узлом событий, проверяемых, однако, по всем видам источников — на это должно хватить сил одного исследователя, в интеллекте которого и должно произойти таинство синтеза разнородных источников.

Однако на конкретном примере готской задачи показать действие этого метода не удалось. Таинство синтеза не свершилось. Выводы остались разрозненными, один источник (переработанную традицию античных авторов) пришлось взять за основу, остальные реконструировать на этой основе. Но синтез не мог быть осуществлен при изоляции одного сюжета: чем уже рамки сопоставления разных проекций одной структуры, тем труднее уловить объемные структурные связи элементов, отраженных в этих плоскостных проекциях, и наоборот — чем шире охват (пространственный, хронологический и содержательный), тем заметнее общность, тем больше шансов найти аналогичные соотношения на разных плоскостях отражения⁶.

⁵ R. H a s c h m a n n, *Goten und Skandinavien*, B., 1970.

⁶ См. L. S. K l e j n, *Regressive Purifizierung und exemplarische Betrachtung*, EAZ, 1974, № 2 — Л. С. К л е й н, рец. на книгу Р. Гахмана «Готы и Скандинавия», СА, 1974, № 3.

Саму суть проблемной ситуации он, видимо, понял тогда неверно. Синтезатуры нет надобности проверять детально всю полноту операций и фактов по всем видам источников. Ведь это был бы не синтез, а дублировка анализа. Если действительно уподобить результаты анализа проекциям исчезнувшей объемной структуры древнего мира на разные плоскости, в разных ракурсах, то суть синтеза заключается в правильном расположении этих сечений относительно друг друга и в отыскании связей между их элементами, позволяющих провести в трехмерном пространстве линии от одного сечения к другому, необходимые, чтобы восстановить объемную структуру.

Р. Гахман — чрезвычайно изобретательный, активный и плодотворный исследователь. Не успело издательство «Вальтер де Груйтер» отпечатать в берлинской типографии его книгу «Готы и Скандинавия», как он уже вручил женевскому издательству «Нагель» («Нажель») своих «Германцев», с попыткой иного решения той же проблемы синтеза: стыскивается не отдельный узел, не отдельный сюжет (взят весь германский мир древности!), а такой аспект темы, в котором можно было бы ожидать наибольшего схождения между сохранившимися разноплоскостными отражениями исчезнувшей объемной структуры. Это несомненно более плодотворный подход.

Для увязки сведений письменных источников с археологией таким аспектом и оказалась сфера культа. Культурные объединения, хотя и гораздо более скупо, чем политические, все же отражены в сообщениях античных авторов, а в археологических материалах они представлены весьма полно (группировка по погребальному обряду и т. п.). Проблематично, однако, совмещение культурных общностей с языковыми. Оно нигде у Гахмана не декларируется, но, по-видимому, подразумевается. Это представление поддерживается идеей о том, что культурное объединение было в то же время контактным объединением, объединением по связям и сношениям (*Verkehrsgemeinschaft*), и что именно эти элементы культуры были ее устойчивым ядром (стр. 107). Возникает вопрос, не заключено ли в такой трактовке преувеличение статичности религии и ее значимости для прочих аспектов жизни древних германцев.

Гахман считает, что группировка германских племен у Тацита ближе к первоисточнику, чем у Плиния, и что в нее включены не все и даже не большинство германских племен, а лишь одна сравнительно небольшая прирейнская группа. Гахман именует ее «племенами Манна» (*Mannus — Stämme*) и отождествляет с «западногерманским кругом» (*Westgermanische Kreis*) археологических источников около рубежа н. э.

Племенной состав потомков Маннуса по трем коленам — истевонам, ингевонам и гермионам у Тацита вовсе не указан (есть лишь сведения о территориях), а у Плиния в него включены, кроме хауков, хаттов и херусков, также кимвры, свебы и гермундуры, которых Гахман считает необходимым включить в другие культурные объединения, а сверх того еще и тевтоны, которых Гахман вообще не вводит в число германских (в современном смысле) племен. Из кого бы ни исходить — из Плиния или из Тацита, — потомкам Манна придется отвести гораздо более обширную территорию, чем «западногерманский круг» и чем отводит им Гахман.

Гахман признает, что в источниках не содержится указаний на культовый характер этого объединения, каковой выводится из аналогии со свебами. Можно добавить, что нет указаний и на самое наличие такого объединения. Свебы носят отдельное общее наименование, известен состав союза, описано их общее святилище и т. п. Потомки Манна, проживающие гораздо ближе к римлянам, не перечислены поплеменно и не имеют даже общего наименования. По-видимому, такого объединения и не существовало — ни политического, ни культового. Существовали ли как реальные общности, возможно, и культурные, те группы племен, которые выводились от сыновей Манна — ингевоны, истевоны и гермионы, — вопрос иной. Ведь обычно подобные генеалогические легенды (о происхождении народов от трех братьев) не отражают ни реальное происхождение племен, ни их культурное или языковое родство, ни даже политические связи, а лишь претензии племенной группы, в которой такая легенда бытует, на старшинство над соседями и родичами⁷. Себя и своих соплеменников рассказчики объявляют прямыми

⁷ Л. С. Клейн, Фридрих Энгельс как исследователь раннегерманского общества, СЭ, 1970, № 5, стр. 20—32.

потомками старшего брата (или младшего — в зависимости от принятого в данной среде порядка наследования власти). Это легенды, утверждающие первородство. Ни у Тацита, ни у Плиния невозможно вычитать, какого сына германцы считали старшим, какого — младшим. Учитывая, что и Тацит говорит о наличии других групп, помимо указанных им трех, возможно, что противоречия между ним и Плинием, у которого пять групп (включая указанные три), не так велики, как казались. Легенда поступила к римлянам от одной из трех племенных групп, скорее всего от ближайших соседей — истевонов. В таком случае они-то и могли получить соответствие в «западно-германском круге», а две другие группы — ингевоны, расположенные к северу от них, и гермюны, включающие в свой состав свебов, — явно должны охватить другие общности, намеченные Гахманом, но должны ли они совпасть с теми — трудно сказать. Возможно, что для истевонов ингевоны и гермюны были только своеобразными клише, долженствующими обозначить зависимое положение произвольно намечаемых групп племен на севере и на востоке в желаемой иерархии. Но возможно, что ядрами их в самом деле являлись политические или культовые объединения. Для Гахмана это свебы, вандилии, племена с культом Нерты и племена с культом Тауфаны. К свебам он причисляет лангобардов, гермундугов, маркоманов, квадов и семнонов (последних считает главным племенем объединения), совмещая это объединение с «эльбгерманским кругом» археологии (Elbgermanische Kreis). По Плинию это ингевоны. К вандилиям Гахман относит лугиев, готов, бургундов, хариев, и наханарвалов, отождествляя это объединение с полями погребений Повисленья (Weichsel — Gruppe). Культ Нерты был распространен у кимвров и племен Датских островов (по Плинию, они должны войти в состав ингевонов), по Тациту — также у лангобардов, культ Тауфаны — у марсов. Но ни состав этих объединений, ни археологические соответствия им определить Гахман не решается. Франки, аламаны и баювары вообще оформились в заметные объединения на несколько веков позже.

За вычетом кратких описаний святилищ и обрядов, германские культы Гахман рассматривает не по своим «культовым объединениям» или археологическим культурам, а обобщенно, иногда с разделением на Юг и скандинавский Север. Из всей главы о религии германцев наиболее интересна постановка вопроса о причинах смены трупосожжения труположением задолго до принятия христианства. Гахман констатирует, что у германцев не было представления о небесном рае: духи покойников представлялись обитающими поблизости от могил и привязанными к телесным остаткам, особенно к голове трупа. В позднее время сожжение мыслилось окончательным уничтожением духа и применялось как наказание. Это не могло быть продолжением старой идеи. У древнейшей кремации должно было иметься иное осмысление. Гахман предположительно реконструирует его по частным сопоставлениям литературных фрагментов как освобождение духа от бренных остатков для вознесения на небо к погребальному кортежу небесного бога. Античные авторы сообщают, что германцы чтили небесного бога Тию. Позже на германском Юге этот бог был вытеснен богом войны и мертвых Воданом (внедрившись на севере еще позже, Водан превратился в Одина). Вместе с тем, возможно, отпала и необходимость отправлять духи покойных на небо с дымом от костра.

Гахман не делает следующего шага и не ставит вопроса о том, чем же могло быть вызвано вытеснение одного бога другим по всей территории распространения германских племен, от римского лимеса до норвежских фьордов, не лежат ли в основе какие-либо социально-экономические или политические причины (в частности выделение военно-родовой знати, формирование дружин и т. п.)

В «Заключении» книги, сравнивая данные о германцах с материалами о народах древнего Востока, Гахман отмечает, что культура германцев не столь богата, как древнеегипетская, древнеиранская или греко-римская, что здесь нет ни таких дворцов, ни таких храмов, ни такого искусства.

«Но зато где еще есть такие богатые данные о культе мертвых? Где в области других культур наличествует так много знаний о сельском хозяйстве? Где еще известна такая уйма деталей о хозяйственных группировках, племенах, слоях знати? Где есть

так много исходных данных о керамических формах, об украшениях, орудиях, оружии? Где знают так много о торговле?» (стр. 173).

Однако о большей части этих-то сторон жизни германцев в книге Гахмана как раз нет ничего или почти ничего. В великолепных цветных и черно-белых фотоснимках представлены тоже почти исключительно украшения, оружие и предметы культа. А это налагает известный отпечаток и на получаемые читателем представления относительно системы современных научных знаний о германцах, относительно совокушности методов, направлений и сюжетов исследования, т. е. селекция приобретает оттенок методологический. Построив книгу как популярное изложение интересной исследовательской задачи и талантливой творческой идеи, изложение последовательное, логичное и поэтому строго ограниченное, автор упустил из виду обзорные задачи тома, диктуемые направленностью всей серии. Книга получилась увлекательной, ценной, но очень одно-сторонней.

Впрочем, всегда легко и бесполезно критиковать книгу за то, чего в ней нет. Если же исходить из оценки того, что в книге есть, то надо признать, что это один из наиболее интересных и талантливо сделанных томов всей серии.

Л. С. Клейн

T. P. WISEMAN, New Men in the Roman Senate. 139 B. C. — 14 A. D., Oxford University Press, 1971, 325 стр.

Аннотируемая книга Т. Вайзмана «Новые люди в римском сенате. 139 г. до н. э. — 14 г. н. э.» является в значительной степени обобщением его статей о так называемых *homines novi* в сенате, которые он публиковал с 1963 г.¹ В ее задачу входило исследование группы сенаторов, к которой принадлежали Цицерон и Саллюстий, Марий и Агриппа, изыскания о происхождении *homines novi*, о масштабах их связей с римской аристократией, об их карьере.

В I главе автор обосновывает постановку темы. Термин *homo novus* мог, по мнению Т. Вайзмана, относиться или к консулу, чьи предки никогда не исполняли консульства, или к всаднику, в роду которого не было сенаторов, а говоря в целом — к сенатору, не имевшему предков сенаторского звания. Рассматривая период с 139 г. до н. э., когда была введена тайная баллотировка в сенат, и вплоть до 14 г. н. э., когда указом Тиберия выборы в сенат были заменены кооптацией, автор отмечает, что именно в этот промежуток оформилась прослойка *homines novi* в сенате. Закон Габиния, который практически открыл *homines novi* доступ в сенат, Т. Вайзмен считает в принципе «революционным». Подчеркивая, что в 139 г. открылась новая эпоха в истории пополнения сената, автор указывает на то, что в рассматриваемый период принципы пополнения сената претерпели лишь незначительные изменения. Коренным образом они изменялись только при Сулле, Цезаре и триумвирах, когда сенаторы просто на-значались из числа сторонников. Т. Вайзмен считает, однако, что это не меняло общей картины, и склонен рассматривать весь период как единое целое применительно к принципам и механизму пополнения сената.

¹ См., например, следующие статьи Т. Вайзмана, посвященные этой теме: Teidia's Husband, «Latomus», XXII, 1963; The Potteries of Vibienus and Rufrenus at Arretium, «Mnemosyne», XVI, 1963; Prosopographical Notes, «Num. Chron.», IV, 1964; Viae Anniae, PBSR, XXXII, 1964; Mallius, CIR, XV, 1965; The Mother of Livia Augusta, «Historia», XIV, 1965; Titisenus Gallus, CIR, XV, 1965; Two More Senators, CIR, XV, 1965; The Ambitions of Quintus Cicero, JRS, LVI, 1966; T. Cloebius of Tarracina, CIR, XVII, 1967; Tacitus Annals, XV, 53, 2, CIR, XVII, 1967; The Census on the First Century B. C., JRS, LIX, 1969; Pulcher Claudius, HSCP, LXXIV, 1970; The definition of «Eques Romanus» in the Late Republic and Early Empire, «Historia», XIX, 1970.